

«МОЛОДЕЖЬ ЭСТОНИИ»
Таллин

1-2 АПР 1988

СОВЕТСКИЕ

САМОЕ ДОРОГОЕ У ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ДОМ

Лично я не очень люблю брать интервью «через годы, через расстояния» у тех актеров, с которыми уже доводилось беседовать на страницах газеты. За редким исключением. Не буду перечислять имена, но **Владимир КОНКИН** — в этом ряду. Может, потому, что и тогда, семь лет назад, с легким изумлением смотрела на «живого» Павла Корчагина, врезавшегося в память и, чего там лукавить, ввевшегося в печенки по школьной программе. Это же с ума сойти — произнести с экрана «самое дорогое у человека — это жизнь» так, чтобы что-то к этому прислушался, хоть и действительно — самое дорогое. А он — произнес. И мы — прислушались. После интервью он взял моего новорожденного сына на руки, замер перед объективом и с ироничной торжественностью сказал: «Вот так, Кирюша, вырастешь — всем будешь показывать, как Павка Корчагин тебя на руках носил». Все та же пресловутая школьная программа так замусолила Павку Корчагина, что у меня пока нет душевной необходимости сообщать своему семилетнему Кириллу, кто он такой. Но всплески актерской судьбы Владимира Конкина продиктовали свой поворот той исторической фразе: «Вырастешь — всем будешь показывать». Совсем недавно мы, пятеро взрослых, стали свидетелями замечательной перепалки современных мальчишек. Кирюша познакомился со своим ровесником. В течение одного дня они успели подружиться, поссориться, помириться, снова поссориться. И когда мы уже стояли в дверях и обменивались прощальными фразами, Андрей вдруг выпалил: «А к моему папе Гребенщиков приходил!» — и победно посмотрел на Кирилла. Мы тоже посмотрели. При этом я твердо знала, что Кирилл понятия не имеет о Гребенщико-ве. Почувствовав, что его уели, он не задумался ни на секунду и отпарировал: «А я с Шариковым знаком». И тоже посмотрел победно. Надо было видеть выражение Андрюшиных глаз. «Врешь!» — «Не вру. Он меня на руках носил, у меня фотография есть...»

При встрече я сказала Владимиру Конкину:

— Ну, до чего же тебе повезло! Одним мальчишкам — Корчагин, другим — Шариков. Скажи честно, тебе интересно возвращаться к своим прежним героям или надоело?

— Честно? Надоело. Совсем честно? Мое сегодняшнее состояние, человеческое, творческое, ведь так или иначе жиднется на них. Наверное, это вполне естественно. Они отпечатываются — и на характере, и на судьбе. Если мои герои достаточно благополучны, я имею в виду зрительскую память, то, стало быть, благополучен и я. Опять же говорю не о сытости и не жировой прослойке, а о том, что они дают стимул к дальнейшему развитию. Тем более, что творчество актера невозможно без зрителя, и у каждого должен быть свой зритель, который, ну, хотя бы разделяет твою точку зрения в образе. Мне приходилось сталкиваться с совершенно противоположными мнениями по поводу моих предыдущих ролей, и то, что кому-то они не нравятся, тоже естественно, творчества без этого не может быть. Но закономерно и то, что такой Шариков, например, запал в сердце. Фильмов много, много пло-

хих, и когда вдруг появляется на экране человек, который поярче, поинтересней, с пистолетом, но добрый, зритель сразу же запоминает его. И в памяти своей благодарен. Поэтому для меня такие герои закономерно становятся душевным подспорьем. Хотя по натуре своей я — мазохист. Радоваться тому, что ты сделал, бессмысленно. Мало того, проходят годы, и какие-то роли для меня чисто технические стареют. И то, что в 20—25 лет я показывал, как говорится, «за взрослую жизнь», сам еще этой жизни не прожил. А сейчас мне уже 37. И я уже понимаю, что был тогда наивен в определенной степени, и как бы продолжал свои детские увлечения. Мы же в детстве все немножечко актеры — что твой сын, что мои сыновья, или девочки чьи-то, которые играют в куклы, всерьез воображая себя мамами. Вот и я — во многом как бы играл в куклы. На полной искренности, убежденности. Мне казалось, что я прав на том уровне. Но ведь был-то зелен! И этого сейчас, наверное, не нужно пугаться. Вот будет 40—45 — и, может, вообще станет противно от того, что я сделал. Это — опыт,

жизнь. Мне кажется, что идеальной роли, которая бы полностью раскрыла мой диапазон, пусть крошечный, пусть маленький, у меня еще не было. Говорю это откровенно, без всякого самолюбования. Потому что, мне кажется, если актер позволяет себе роскошь быть чем-то довольным, он умирает. Он должен себя постоянно беспокоить. И если мне, допустим, не начинают снится сны про героя, значит, еще ничего не началось. Так бывает не так часто. Вот в «Отцах и детях», где я играл Кирсанова, — было. Это не то, что моя кухня, — это психика, у каждого она по-своему устроена.

— А кто чисто человечески симпатичнее — Базаров или Кирсанов?

— Знаешь, Кирсанов. Как ни странно. Хотя я хотел сыграть Базарова, очень хотел! Но Кирсанов мне симпатичнее своей добротой. Не сибаритством, о котором бесконечно талдычат в школе, а именно добротой.

— Тебе вообще везет на заштампованных героев.

— Именно школой заштампованных. В нашей школе ведь отвращают от литературы. Дети вырастают, становятся взрослыми, и книги,

которые изучали по программе, в руки не берут. Они боятся их читать! Боятся.

— Со своими близнецами вы с женой это учили?

— У нас был несколько иной подход. Может, как раз потому, что Ярослав и Святослав родились у Павки Корчагина, замученного в стенах программы. Мы с супругой школьную программу всегда опережали года на три-четыре. И читали вслух. У нас дома вообще принято вслух читать. Допустим, ребенок учится в четвертом классе. «Проходить» какое-то произведение он будет в седьмом или восьмом. Надо его подготовить к вкусу слова, к духовному восприятию, к жизни, которая происходит в этом произведении. И, знаешь, всегда это имело успех. Во всяком случае, когда я несколько дней назад приехал из Иваново, смотрю, мои мальчишки читают Вольтера. Значит, вкус к литературе им запал в душу, и в свои 16 лет они сами достаточно избирательны в чтении.

— Ребята ваши не трудные?

— Безусловно, трудные. В то же время — это мои дети. У нас нет попыток понимать друг друга — мы друг к другу

подготовлены. У каждого ребенка наступает такой период, когда он вроде бы твой ребенок, а ты его не узнаешь. Это можно понять, но к этому нужно быть готовым. И наша семья в какой-то степени была готова. Каких-то там бурь, везуний у нас не было. Сие вовсе не означает, что они у меня идеальные или что я просто хвалюсь. Родители ведь часто перебарщивают в своем однозначном отношении: дома он может без устали ругать своего ребенка, а когда у него о ребенке спрашивают, тот сразу становится выдающимся — как минимум, художником, полиглотом, книголюбом и так далее. Посмотри, при всех соблазнах сегодняшней цивилизации — машина, видео — дети ведь все равно вырастают разными. Вот мы с тобой послевоенные дети, и о том, что наши ребята имеют в свои семь или шестнадцать лет, мы даже мечтать не могли, не знали, что такое может быть. Лично у меня была голубая мечта — велосипед. Мне его купили только в восьмом классе. Магнитофон был вообще пределом моих мечтаний — его я получил только после десятого класса за то, что хорошо закончил и поступил в театральное училище. Сейчас они вроде бы рождаются на готовенькое. Не успевают рот раскрыть — а уже есть. И в этой ситуации, конечно, ухо надо остро держать. Потому что тот комфорт, который их окружает, имеет и обратную сторону. С одной стороны, он облегчает жизнь, но с другой — развращает, отваживает и от книги, отваживает от какого-то духовного общения и так далее, и так далее. Но если ты склонна мне верить, то нашей семье удалось этого избежать. У нас неделями не включается телевизор, стоит это видео, которое никто не смотрит. Не потому, что мы такие дикие, а просто — неинтересно. Потому что когда мы вчетвером дома, нам интересно друг с другом. И с теми людьми, которые приходят к нам в гости, а плохие люди к нам не ходят. Понимаешь, если уж мы заговорили о детях, а для меня сейчас это особенно актуально — в апреле мы ждем прибавления семейства, — главное, чтобы дом, в котором они растут, был теплым. Это так банально, наверное. И все-таки так верно. И так — трудно достижимо. Но — достижимо.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.
Фото Файви КЛЮЧИКА.